

**Памяти Т. И. Ойзермана,
историка философии, академика РАН,
учителя и старшего друга**

С кончиной на 103-м году жизни академика Российской Академии наук, посвятившего свою большую жизнь изучению всемирной и русской истории философии и всемерному развитию универсальной философской науки в России, ушла целая эпоха. Это была эпоха, задачей которой явилось максимально возможное сохранение высокого профессионального уровня философского и исторического мышления, достигнутого интеллектуалами в России в первые два с половиной десятилетия XX в. — и не просто сохранения, а и развития философии, несмотря на плотину на ее пути, воздвигнутую из догм марксизма-ленинизма. Делать это удавалось только очень талантливым людям с огромной эрудицией и с отменным

владением русским словом, — таким, как легендарные Алексей Федорович Лосев, Валентин Фердинандович Асмус. Последним из могикан этой когорты и оказался Теодор Ильич Ойзерман. Природа Новороссии наделила его завидным здоровьем и живым, острым и здравым умом. И то, и другое пригодилось в его трудной, без всякого преувеличения героической жизни. Он разделил вместе с Советской Россией все ее труды и подвиги и все лучшее передал уже новой стране в надежде, что не растратит она это лучшее попусту. Я помню то освежающее и ободряющее действие, которое оказала на меня его книга «Формирование философии марксизма», которую я, аспирант первого года обучения, в 1963 г. читал и перечитывал буквально запоем. Проникновение в движущие пружины философского мышления, препятствия и противоречия на его пути и преодоление этих препятствий изображены в книге столь выпукло и ярко, с таким писательским мастерством, что она останется лучшей книгой на эту тему еще на многие десятилетия. Марксизм предстал в ней закономерным и необходимым элементом всего процесса мирового движения философской мысли. Таковы же были и все последующие его книги, которые я получал уже где-то со второй половины 1970-х гг. с его собственноручными щедрыми на оценку и всегда поощряющими к творчеству автографами.

Мне посчастливилось познакомиться и впервые поговорить с ним на защите моей кандидатской диссертации в Институте философии тогда еще АН СССР в 1969 г. Он не был членом ученого совета, в котором я защищался, но пришел на защиту, заинтересовавшись слухами о наличии в диссертации кантианских идей. Он сам примерно в это время много вни-

мания уделял Канту, будучи одним из основных редакторов знаменитого шеститомного собрания сочинений Канта, вышедшего в свет с 1963 по 1966 г. Беседа тогда свелась к вопросу, чем же помог мне Кант в моей проблеме соотношения нравственного и эстетического идеалов. И мы обменялись мнениями об идее трансцендентального схематизма и его возможностях.

Общение с Теодором Ильичем возобновилось с 1973 г., когда приближался юбилей 250-летия Канта. Мир готовился к большому празднованию, и Калининград оказался в центре всеобщего внимания. ЮНЕСКО объявил 1974 г. годом Канта. Т.И. Ойзерман возглавил делегацию, направленную президиумом Академии наук в Калининград, чтобы организовать празднование знаменательной даты на родине великого философа. Было решено провести в Калининградском государственном университете I Всесоюзные Кантовские чтения. Мы встретились как старые знакомые. Оценив кадровые возможности университета, Теодор Ильич поручил мне подготовить доклад, посвященный философии истории Канта.

Он же возглавлял делегацию московских философов и на самих чтениях. Задачу свою академик Ойзерман видел в том, чтобы университет превратился в признанный центр кантоведения и стал достоин носить имя Канта. Идею эту с трибуны чтений выразил Арсений Владимирович Гулыга. «Калининградский университет *должен* носить имя великого Канта» — провозгласил он, и в идеологической обстановке того времени это прозвучало как взрыв, как вызов всей системе советского мышления.

Теодор Ильич посоветовал мне срочно заняться серьезной разработкой проблем философии истории Канта и защитить по этой теме докторскую диссертацию. Нужно было формировать кадры кантоведов, чтобы университет стал центром всестороннего изучения наследия Канта. Мы обсуждали направление и prospect моей работы, которая стала называться «Проблемы философии истории в системе Канта» и свелась к идее *решающей роли* философии истории для системы критицизма. Тогда это было, конечно, совершенной новацией.

Действуя через отдел печати ЦК КПСС, Т.И. Ойзерман совместно с проф. И.С. Нарским добились разрешения печатать в университете ежегодник «Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта», издания уникального по тем временам, да и в настоящее время, когда он превратился в ежеквартальный журнал «Кантовский сборник». С 1975 г. вышло уже 58 выпусков этого издания. Ойзерман, который давно сотрудничал с «Вопросами философии» и другими периодическими изданиями, стал постоянным членом редколлегии «Кантовского сборника» и считал своим долгом публиковать работы по Канту в нашем журнале. С его помощью часто разрешались вопросы, которые возникали у меня как редактора этого издания. Советы Теодора Ильича всегда были и своевременны, и мудры. Нашу переписку не назвать энергичной, но она была постоянной и прерывалась только в последние три года, когда общались больше по телефону.

Участие в наших международных Кантовских чтениях Теодор Ильич считал для себя необходимым, особенно если они были приурочены к значимым датам в творчестве Канта. Например, по его совету в 1981 г., когда отмечалось 200-летие «Критики чистого разума», Калининградский университет, вместе с Рижским университетом и Академией наук, выступил соорганизатором Международной конференции в Риге, где это великое произведение впервые увидело свет.

Имя академика Теодора Ойзермана навечно вошло в историю Балтийского федерального университета имени Канта и калининградского кантоведения. Теодор Ильич был для меня мудрым учителем. Иногда наши взгляды на тот или иной спорный и сложный вопрос философии Канта не совпадали, он приводил свои аргументы и оспаривал мои, но, как правило, обсуждение проблемы заканчивалось компромиссом. Если взгляды собеседника содержали хоть крупицу истины — они всегда принимались во внимание, поддерживались. Поучительно было присутствовать на обсуждении исследовательских проектов в секторе истории философии стран Западной Европы и Америки в Институте философии. Ойзерман направлял дискуссию, синтезировал точки зрения выступающих, выделяя и формулируя ключевое зерно в их словах и предлагая направление его возможного развития. Он обладал эвристическим чутьем нового, что неизменно служило на пользу сотрудников сектора: каждый в итоге извлекал урок, порой при этом открывая для себя новые горизонты.

Я счастлив общением с этим великим человеком, горд, что доводилось сидеть за его столом и принимать этого дорогого гостя у себя. Часы и минуты, проведенные вместе с ним, — лучшие часы и минуты моей жизни.

*Главный редактор «Кантовского сборника»,
доктор философских наук, профессор Л. А. Калининков*